

Посвящается
сельским
киномеханикам

Коррида

ПАВЕЛ ГУРСКИЙ

Перед началом киносеанса в нашем деревенском клубе происходило почти всегда одно и то же: киномеханик дядя Андрей производил зачистку зала от «кинозайцев», а иногда лез за ними за белую простыню экрана впереди сцены, где слева, в углублении на уровне зала, была комната артистов и клубного инвентаря.

В ней первым у щели, обрванной раскрытой дверью и косяком, стоял, как обычно, я. За мной, положив голову на мое плечо, хоронился Шурка, который раньше «зайцевал» в зале подлавками, в ногах кинозрителей. С Шуркой никто не дружил: был он, как игривый котенок, надоедлив. Находиться рядом с ним было невозможно: он вис на плече, после каждого слова бил по нему, дергал за волосы на голове. Пациенты постарше срамливали его с кем-нибудь, и он всегда был бит. От обиды плакал — скулил жалобно, как щенок, которого пнули. Но азартен был и у уличной шпаны всегда ходил в рабах, потому что, не имея денег, ставил на кон себя.

...Дядя Андрей прямо смотрел в мои наполненные страхом глаза, а, переведя их книзу и покачав головой, обычно произносил:

— И тут никого нет! — и спускался в зал.

Обманули дурака на чetyре кулака! — отпадая от моего плеча, ударив по нему и поворотив мои волосы, торжественно Шурка, подтанцовывая босыми ногами.

Но я так не считал: дверь в артистической не доходила до пола на расстоянии введенных во время игры в чику пальцев ладони. И дядя Андрей, посмотрев вниз, наверняка видел наши изъеденные цыпками босые ноги и, жалея нас, делал нам добро — дарил фильм.

Время было послевоенное. Наши отцы не вернулись с фронта, а мамы не только не могли дать денег на кино, но даже были не в состоянии обуть нас. Не помню, с какого и по какое время года мы ходили босиком, пальцами ног выбирая теплую травку и, держась за заборы, по замороженной земле пробирались в школу. Еще хорошо помню, как дошкольником, напугавшись, орал я, провалившись весной в грязь на поле за деревней. На моих ногах были взрослые калоши с пришитыми к ним голенищами сапог, в которые я наверняка мог поместить обе ноги. Чуни — так называлось это обувное сооружение.

...Еще до начала фильма мы устраиваемся сидя или лежа у стенки. Рядом ни души — благодать, даже Шурка не распускает руки!

Во время сеанса кино мы смотрим с другой стороны экрана. Слова и изображение читаются и смотрятся как на обратной стороне стекла: например, название фильма «Чапаев» мы читаем «еапаЧ».

Читаем и смеемся, когда герои фильмов, сражаясь, держат сабли и мечи в левой руке, а умирая, прикладывают руки к правой стороне груди, пишут и едят левой рукой.

И, несмотря на это, героев тех фильмов мы любили и играли в них, а их врагов ненавидели. После просмотра «Тарзана» на всю деревню за полношью орали, подражая голосу друга Джона и Читы.

А когда в киножурнале показали испанскую корриду, Шурка словно с ума сошел. Держа перед собой кусок старого плаката, найденного в нашем схроне, выгнув спину, как тореро, он на улице наступал на рогатый скот — молодых телят, взрослых бычков и коров. Синяки от ударов их рогов и лбов не сходили с его тела.

У нас в деревне жила одинокая женщина — эвакуированная горожанка. Взрослые звали ее Матрёной. Мы же, ребята, Мотькой. Матрёна была женщиной крупной. Ходила медленно и тяжело, как набившие утробы зеленые коровы, идущие с пастбища. Ее колени при ходьбе касались друг друга, а ступни, достигнув земли, разворачивались носками наружу, оставляя глубокие следы.

Это забавляло нас, особенно Шурку, а так как он был малый шепутистый, то, подкараулив ее, пристраивался сзади, кривлялся, по-коровьи мычал, кричал на всю улицу:

— Моть-корова, будь здорова!

— Дурачок маленький! — ласково говорила Матрёна, логонько задевая его ивовым прутом, который всегда был при ней с тех пор, как Шурка начал доминировать.

Шурка обгонял Матрёну недалеко от ее дома. Там стояла конная привязь и, уцепившись руками и ногами за перекладину привязи, Шурка начинал петь матросское «Яблочко». При этом он, подтягиваясь и изгибаясь, «аккомпанировал» самому себе внутренними газами. А когда они кончались, умолкал, начинал дуться, и тут Матрёна настигала его и, смеясь, по-настоящему била его по импровизированному музыкальному «инструменту».

— И не больно, и не больно! — соскакивая и почесывая зад, хохотился Шурка.

А после фильма о корриде Шурка скакал впереди Матрёны, пятась, дергал перед собой тряпку, кривлялся и кричал свое:

— Моть-корова, будь здорова!

А когда она махала прутом, чтобы достать его, Шурка, как

настоящий тореро, красиво изгибал спину, чтобы избежать удара.

А однажды на конный двор с центральной фермы привели быка-производителя. К конной привязи бык был привязан цепью, жестко закрепленной к кольцу в его влажном от слизи носу. Бык беспокойно заносил свой зад то влево, то вправо от удерживающей его цепи, бил копытами о землю, выстреливая ее из-под себя. Центнеры мыщ грозно бугрились под его лоснящейся сытостью шкурой, изо рта на землю падала клубками пена.

Бык зло косил глазами, когда к нему приближался Шурка. Я не видел, как Шурка освободил быка от привязи, но услышал, как стукнула о землю тяжелая цепь.

Шурка бежал впереди быка с красной, как знамя, тряпкой и орал: «Мама!»

— Брось тряпку! Брось! — кричал кто-то, выбегая из конюшни.

И тут я увидел: от ограды со стороны деревни наперерез быку с прутом выбежала Матрёна.

— Куда, куда, дура! — закричал тот же голос от конюшни. И тут же послышался глухой удар, как будто кто-то ударил деревянной палкой по мягкому и мокрому.

...Быка пристрелили, а, освобождая Матрёну от его рогов, нас, детей, прогнали...

Хоронили Матрёну всей деревней. Взрослые, говоря о ней, вспоминали только хорошее. И пока ее не предали земле, у изголовья ее гроба всё время стоял Шурка и тихонько плакал.

На ее могиле, на перекладине креста местный плотник выжег имя и фамилию, спланные с ее паспорта. Оказывается, звали её красиво: Марианна.

ДМИТРИЙ КЛЁСТОВ

Тора Церковка

Ах, Церковка. Ох, Церковка! Сила есть, была б сноровка... Ввысь ведёт тропа — плутовка, По камням взбираясь ловко.

На вершине скалы — зубья, Выщербленные веками Рядышком, а наши судьбы Параллельными путями

Шли, бегут, а будут мчаться К неминучей остановке, А всего-то было счастье — На Церковке.

А вино тебе не впрок, Званный ужин не по вкусу, Молодой ядрёный сок Не сопутствует искусу.

И не избежать молвы, Пресмыкающихся сплетен. Целомудренной вдовы Ярлычок тебе не светит.

На фиг тебе ярлычок, Аскетические ласы... Бабе нужен мужичок, Если мужичок согласен.

Бачатский разрез

«Нашим детям уготовано счастливое будущее» — советский лозунг.

Горловина смердящего кратера, Исступленно разинутый зев, А над ним нелюбовь богоматери И всевышнего истовый гнев.

Сколько силушки русской потрачено На бессметные тонны угля, И стоят по буграм автоматчики — Беспардонные слуги жулья.

Вроде бы не работал с прохладцею И не клял человеческий род... Уготованная резервация Ждёт доверчивый русский народ.

Казанский Собор

Седьми глыбами с низовий, Загромождаю оком, Всплывает мрак. Парализован Собор живительным дождем.

Дождь окропит с молитвой — гимном Российских витязей — солдат, И перлы песни лебединой Под синим куполом звучат.

Воспрянет седенький фельдмаршал И мановением перста Укажет путь к победным маршам Своим отчаянным войскам.

И новой прорастут былиной Его последние слова. И купиной неопалимой Взойдёт спалённая Москва.

Не убытками, не прибытками, Слава богу, судьба не жалует. Поработать бы над ошибками, Исповедуя душу шалую.

Кто меня соблазнял калачиком, Где я плетью хлестал по буху, Зря ли чувства свои растрчивал, Ловеласом был или олухом.

Где в чести кураж — был застенчивым, Надо быть скромней — я куражился... Вновь бросаюсь в жизнь опрометчиво — Так мне любится, Так мне кажется.

Смотрины

На вечерке смотрины Стало быть, состоится, Манекеном с витрины Буду я улыбаться.

А меня, как ублюдка, Оглазеют бесстыже От зубов до желудка, А потом и пониже.

Работящи ли руки, Быстроходны ли ноги, Есть ли шрамы и глюки, Все ли выжаты соки.

Нет ли лоска и грима — Все прознают бабёнки, Ну а главный — то имидж Да конечно деньжонки.

Это вовсе не плохо: Жисть — жистянка такая, Ловеласом и лохом Я себя не считаю.

Склонен к жизненной прозе, Не заёмный умишко, Ну а главный мой козырь — «Жигули» и сберкнижка.

Сибирячки

После долгой и нудной спячки, После ссоры взрывной и вздорной Отрываются сибирячки, Потому что они — оторвы.

В них подспудные жили гейши, Взаперти сокрывая душу, Долго-долго дремавший гейзер, Нынче выплеснулся наружу.

Бабья доля. А вот и воля — Век супружеский подытожить: Трудоголик он, алкоголик — Впрочем, это одно и тоже.

Слава страждущим и влюблённым, В тёмном холле и в поле чистом. Их любовник Ален Делонем И красив, и в любви неистов.

Возвратятся, и слава богу, С обновлённым, довольным сердцем. Муж в подушку упрётся рогом И посапывает младенцем.

Черта

Я пешочком прошёл Предначертанный путь, За черту горизонта Стараясь шагнуть, Но маячила мне Роковая мечта: Горемычная шахта В посёлке Черта.

Подземельное кредо. Глубинный Парнас... Факел жизни моей Возгорался и гас. Лез я в самое пекло Других наперёд, Только в царстве Аида Особый черёд.

Мне в забое нудил Волюющего глас, Что мой корень — Спрессованный угольный пласт, А взрывная, горячая Сила пласта — Это крона моя, Вековая листва.

Не приемлет пока Торпыга-душа Стариковские вопли И скулежа. Я ведь пестовал сам Гольтебу — бедноту Вот и вышвырнут ныне За эту черту.

Обо всём

с Анной Тавриленко

Жадность притча

Однажды мудрец сказал юнцу: — Ты силен, хитер, остроумен, но жаден безмерно. — Что с того? Кому это мешает? — Тебе, как ни странно. В душе твоей постоянной хозяйкой поселилась жадность. Она гложет тебя даже во сне. Обуздай её, ибо согнет она тебя раньше времени.

— Ну, так что же? Все вокруг жадные, я знаю точно. Вот наднях зашел к соседу зерен пшеницы попросить. Ну, он дал. Сварил я кашу, и когда стал есть, подавился. Что это значит? Это значит, что пожадничал сосед. Вот попереки горла каша и встала.

— Так-так... А знаешь, может ты и прав... Вот тебе кусок мяса — съешь его. Интересно, я жадный или нет?

Юнец выхватил из рук мудреца дармовую еду и целиком затолкал кусок мяса в рот, боясь, что старик передумает и отберет его или попросит поделиться с ним. Кусок застрял в горле. Раздал-

ся хрип, и юнец бездыханно упал у ног мудреца.

Тот подождет немного и, резко стукнув юношу по спине, выбил мясо изо рта на землю.

— Что ты натворил? Ты испортил мой обед! — зло воскликнул юноша, едва оправившись от испуга. — Жадина!

— Жадина!? Да, видимо, я и вправду жаден, коли ты подавился моим куском. Мудрец нагнулся, поднял злосчастный кусок мяса, стряхнул с него пыль и кинул пробежавшему мимо псу — не пропадать же добру. Потом посмотрел на юношу и сказал: — Когда в следующий раз снова отправишься к Всевышнему, попроси его, чтобы он простил мне мой грех — жадность.

Юноша, вмиг осознав, что произошло, залился румянцем и, рухнув на колени перед старцем, стал благодарно целовать его руку.

А ты жаден? Не знаешь? Вот и я не знаю. Да и не надо, ибо жизнь так коротка... И не хлебом единым сыт человек.

Козел отпущения побасенка

Ремень стянул живот толстяку, когда тот обильно пообедал.

— До каких пор ты будешь мне мешать? Кто дал тебе право портить мне аппетит?

В сердцах толстяк скинул ремень и забросил его подальше. Довольный, он снова продолжил трапезу. Но тут во дворе послышался голос. Толстяк, желая спрятать оставшуюся еду, взял в обе руки чашки, вскочил со своего коврика и... предстал перед очами входящих гостей в одной рубашке.

К несчастью, это были сваты!!!

— Э, нет, — промолвил огорченно один из них. — Что с него взять — у него даже ремня у штанов нет! Поищем жениха побогаче.

И все пошли из дома во двор. Онемев, жених-толстяк шагнул за ними, но, запутавшись в штанах, со всего маху упал на пол. Чашки с едой ударились об пол, и еда разлилась по ковру. — Это ты виноват! — воскликнул обиженно толстяк и ударил по своему животу со всей силы. Если бы не ты, ремень был бы на мне!

Раздавшийся шлепок и вопль услышал последний из выходивших и засмеялся: — А что, кто-то же должен быть козлом отпущения, так почему бы не живот?

И ты так же думаешь? А ты женат или холост? Худ или толст? Глуп или умен? Тебе решать.